

Война и сейчас перед глазами

О труженице тыла Сорокиной Нине Васильевне, члене Кировской городской местной организации ВОС

*Нам, детям войны, много горя досталось.
Победа наградой была.
И летопись лет страшных в память вписалась.
Боль отклик у Эха нашла.*

Говорят, Бог никогда не посылает нам испытания большие, чем мы можем вынести. Кировчанка Нина Васильевна Сорокина, действительно, вынесла столько испытаний, что с лихвой бы хватило на несколько судеб. Всегда улыбчивая, доброжелательная, отзывчивая, с потрясающим чувством юмора и с девизом: «Не умирай раньше смерти...»

Нина родилась 22 мая 1930 года в деревне Метелево Юрьянского района. Отец, председатель сельсовета, мужчина деловой, культурный и грамотный, любил старшенькую, баловал её. Чего не скажешь о матери: строгая была, лишний раз не приласкает, с малых лет загружала Нину домашними делами, зная, что на неё можно во всём положиться. В деревне девочку тоже уважали: она с малых лет помогала маме тянуть братьев и сестёр, со скотиной управлялась и огороду не давала сорняками зарости.

Когда началась война, отец – ему было тридцать три года – сдал дела сельсовета эвакуированным и отправился на фронт. Нина плакала навзрыд.

Помнит, как он крепко-крепко прижал её к груди и сказал: «Трудно тебе придётся, но ты держись!» Как в воду глядел её любимый папка: в одиннадцать Нине пришлось забыть о школе и стать нянькой. Деревня в 16 дворов вмиг опустела: остались два деда, женщины и дети. Дела же колхозные требовали внимания. Тут-то трудолюбие Нины и не по годам развитое чувство ответственности сыграло с ней злую шутку: её маму отправили на лесозаготовки. Та убеждала бригадира, что дочка ещё мала, не управится с хозяйством и четырьмя детишками. Тот грубо оборвал её: «В тюрьму захотела?! Идёт война. Трудно всем. Нужно помогать фронту». Мать уезжала, обливаясь слезами, и в сердцах упрекнула дочку: «Если бы тебя не было, я бы сама сидела с детьми».

Нина не хотела плакать, но слёзы сами заполнили глаза. Обидные слова настолько глубоко её ранили, что и сегодня о них помнит, хотя с высоты прожитых лет понимает, что мать сказала их не со зла, а от бессилия что-либо изменить. Она в строгости держала своих братьев и сестёр, была им мамкой и папкой. С лесоповала мать приезжала уставшей и измученной, без сил валилась на кровать, не обращая внимания на плачущих детей. Между дочерью и матерью росло отчуждение. Чувствуя себя без вины виноватой, Нина ушла в артель Берёзовскую, возила там лес на тележках. Тяжёлый труд подкосил её здоровье, и ей пришлось возвратиться домой. Мать похудела, стала ещё суровее, ходила по деревням и меняла вещи на хлеб, картошку и соль.

Когда Нина немного окрепла, мать отправила её в Юрью к отцовскому брату Косте в надежде, что тот приютит племянницу. Дядя жил с женой зажиточно, детей у них не было. Не поддаваясь страху, в осеннюю слякоть, холод и грязь девочка прошла тридцать километров по карте, нарисованной мамой, оставляя позади родной дом, леса, деревни Берёзово, Шишкари, Терени, Зуи, Ивановщину, Сусловы. Уставшая, заочневшая и голодная постучала в дядин дом, и по глазам его жены поняла, что и в доме родственников не быть её желанной гостьей. До сих пор помнит ужин – жареную картошку и хлеб с молоком – настоящую еду! Утром дядя, отводя глаза в сторону, сказал, что жить она будет у одинокой женщины, а работать в артели.

В артели Нину определили в гончарный цех. Мастер радовался: ученица быстро освоила ремесло, со старанием лепила горшки, ложки, поварёшки, даже стахановкой стала. Оценив трудолюбие новенькой, её перевели в портновский цех, где шили спецовки для бойцов. Портнихи в ученики малолетку поначалу не брали, доверив самое простое занятие – раскладывать вату. Но Нина и тут проявила упорство: научилась шить, строчить и кроить, став вскоре хорошей швейей, отработав три года на военном заказе.

«Война и сейчас перед глазами, – говорит Нина Васильевна. – Не передать, как трудно было, как горек был хлеб войны. Во имя победы страна жертвовала всем. В моей памяти остался постоянный голод и холод, тоска по дому, слёзы в подушку по ночам. Хотя в письмах отец ругал маму, что

отправила меня на чужую сторону, я благодарна дяде, который пристроил меня в артель, где я прошла жизненные университеты. Работали мы по 12 часов, получали по 300 грамм хлеба. Повезло мне и с хозяйкой квартиры: она оказалась доброй и заботливой. Сын у неё погиб на фронте, и любовь к нему она переносила на меня, жалела, часто подкармливала похлёбкой. На работе мы топили маленькую печку и пекли картошку – её немного мама посылала, иногда тётка давала, а иногда я и сама покупала. В выходные мы ходили в луга и собирали всякую полезную траву. Особенно выручал луговой лук, которой и сами ели, и на базаре продавали – нужно ведь было и одеться, чтобы тело прикрыть. Поздними вечерами с подругами – никто не стоял в стороне! – мы вязали варежки, носки, шили и вышивали кисеты для табака, писали письма бойцам с пожеланиями скорой победы, а потом посылки относили в исполком для отправки на фронт.

В деревню часто ездить не получалось. Там жилось ещё труднее: женщины на себе пахали и боронили, одна – ямщик, а трое – за коня, даже лопатами копали поля. Да разве много вскопаешь? Иногда я сэкономила хлеб и сохраняла для ребят вместо пряничков. От голода братьев и сестёр спас паёк, который они получали за папу. Хлеба чистого не едали: чтобы выпечки больше получалось, мы муку мешали с разными травами и кисленкой.

Когда по радио сообщили о Победе, все, кто этот день дождался и выстрадал – плакали от радости. Нам дали выходной. Несмотря на холодный дождь, мы пошли на митинг. Люди радовались, что закончилась мучительная война, мечтали, что скоро вернутся с фронта родные. Из 20 мужчин, ушедших на войну из моей деревни, вернулся лишь мой папа, пусть весь израненный, контуженный, без руки, но другие-то не испытали и этого счастья – встретить с войны отца живым. Вспоминая войну, он плакал, тяжело и молча. Я замечала, как нелегко ему давались эти воспоминания. Как непросто было снова обнажать своё сердце, возвращаться к пережитому и увиденному, ко всему тому, что выпало на его долю. Пожить ему довелось немного.

Вскоре наша артель развалилась – не стало заказов. Мне исполнилось шестнадцать. Приехав в Киров, я устроилась в школу ФЗО. Понимала, что надо навёрстывать упущенное: с тремя классами на хорошую работу вряд ли куда возьмут – везде были нужны грамотные люди. Когда мне выдали одежду и обувь, о чём я не могла даже мечтать, я заплакала: для меня ботинки и пальтишко были настоящим богатством. Но это, как говорят, уже другая история...»

У труженицы тыла всё в жизни сложилось. Молодой организм вынес лишения и послевоенного времени, она «наверстала» и упущенное: окончила вечернюю школу. На мясокомбинате трудолюбие девушки, её умение ладить с людьми не остались незамеченными: её перевели в мастера, отправили на курсы машинистов холодильных установок. Чтобы двигаться дальше, окончила и техникум. Сложилась у неё и личная жизнь: из 11 подружек она первой вышла замуж, стала матерью трёх сыновей. Муж не нарадовался на жену: все домашние дела его любимая делала с улыбкой и песнями. Даже

своей матери, строгой и не очень ласковой, она посвятила стихи:

Милая Прасковья, матушка моя!
Ты с такой любовью берегла меня.
Ты – моё спасенье, светлый лучик дня.
Я прошу прощенья, мама, у тебя
За свои обиды, ссоры сгоряча,
Что тебя не очень баловала я,
Не своим вниманьем, не своим теплом,
А теперь с отчаяньем думаю о том,
Как бы по-другому я себя вела,
Если б только, мама, ты жива была.

Когда она приезжает в родные места, ей становится не по себе: непереносимая тоска накатывает, словно на поминках малой родины побывала.

«Была деревенька, была, да сплыла:
Такие дела, что и впрямь ни кола!
Как будто – живу! – в несчастье мирском
Пожар в одночасье слизнул языком»

Она жалеет разрушенный деревенский уклад жизни. Считает, что жить в деревне стало не вмоготу из-за непосильных налогов и ограничений, душивших крестьян. Молодёжь правдами и неправдами уезжала в город. Она горько шутит, что у них на Лепсе весь их колхоз живёт.

Нине Васильевне уже в зрелом возрасте пришлось пережить ещё одно испытание – потерю зрения. Но она не замкнулась в себе, вступила в члены Всероссийского Общества Слепых, в Кировской городской местной организации ВОС «пришла к двору», с головой окунулась в общественную жизнь, став группоргом.

А секрет бодрости и долголетия женщины с застенчивой улыбкой и лёгким характером в том, что она и сейчас ведёт активный образ жизни. Говорит: «Пока силы есть, всё сама буду делать». Она содержит дачу, выращивает хороший урожай овощей, ягод, раздаёт детям, соседям. Хоть и зрение плохое, не может отказаться от своего хобби – вязания. Всех своих родных и знакомых обеспечивает шерстяными носками и варежками. А какая она хозяйка! В доме всё сияет и блестит чистотой. Она никогда не жалуется на судьбу. Всегда весёлая, такая же энергичная, как и в молодые годы. Её девиз: «Быть только впереди!» Сыновья восхищаются её волевым характером и стремлением помочь другим.

Трудолюбие, честность, справедливость – на этом основана вся её жизнь. У неё масса и других достоинств: певунья, рукодельница, участница фестивалей художественного творчества инвалидов, стихотворец. В свои искренние стихи она зарифмовала свою жизнь. Надеется, что незатейливые строки прочтут её взрослые сыновья и внуки. «Живу их радостями и удачами. Слава Богу, у них все хорошо, не забывают, заботятся, почитают и уважают. А в наследство им оставлю боль свою... Чтобы помнили...»

Она не хотела плакать, но слёзы сами заполнили глаза.

Говорят, Бог никогда не посылает нам испытания большие, чем мы можем вынести. Мама наша, действительно, вынесла столько всего, что с лихвой бы хватило на несколько судеб. Но мы никогда не слышали от неё ни жалоб, ни стонов, ни брюзжания – ни на трудности, ни на годы, ни на болячки. Всегда улыбчивая, доброжелательная, отзывчивая, с потрясающим чувством юмора и вот с этим самым: «Не умирай раньше смерти...»

*Материал подготовила
Лидия Георгиевна Семёновых,
заведующая тифлоиздательским сектором
Кировской областной
специальной библиотеки для слепых.*